

К проблеме локализации Хаджибейского замка

Место локализации Хаджибейского замка до сих пор точно не установлено. В версиях исследователей XIX–XXI вв. замок «гулял» по современному Приморскому бульвару от дворца Воронцова к Думе. Анализ двух малоисследованных картографических источников авторства Деволана и рапорта Дерибаса о штурме Хаджибейской крепости позволяет определить местоположение замка напротив современных д. № 1–2 по Приморскому бульвару.

Ключевые слова: Хаджибейская крепость, И. Дерибас, Ф. Деволан.

Вопрос о локализации каменного замка Хаджибея до сих пор окончательно не решен. К известным в XIX в. версиям [19, с. 342; 17, с. 14, 39] в 1990–2010-х гг. добавились новые [8, с. 150–157; 10, с. 459–476; 13, с. 22–24; 16, с. 123–128]. Их критике и обоснованию известной версии К. Н. Смольянинова о расположении замка на Приморском бульваре [19, с. 342], посвящена данная статья.

В 1997 г. во время раскопок у Воронцовского дворца в Одессе экспедицией под руководством проф. А. О. Добролюбского были обнаружены остатки субструкции (рис. 1, а, в), идентифицированной как башня Хаджибейского замка [7, с. 76–80]. Кладка относилась ко второй половине XVIII в., судя по сопутствующим находкам турецких клейменных курительных трубок, фрагментов плитки и поливной керамики [8, с. 466–470].

Как соавтор итоговых публикаций, должен сказать, что эта находка послужила нам тогда «доказательством» в деле размещения замка Хаджибея «едва ли не точно на месте Воронцовского дворца» на Приморском бульваре [8, с. 157; 13, рис. 5] (рис. 2).

Мы тогда настолько уверовали в «обнаружение фундаментов именно Хаджибейского замка», которые «увязываются с планами Лафитта-Клаве и Фрейгана» [10, с. 468], что достоверность известного рисунка художника С. Гольдмана, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва, уже не вызвала сомнений. Равно как и его дата — конец XVIII в. [10, с. 469]. Нас тогда не смутило даже то, что рисунок впервые опубликован в сборнике популярных очерков А. М. Дерибаса в 1913 г. без всяких пояснений и архивных ссылок [4, с. 2].

На протяжении 20 лет никто не занимался критикой, анализом и пересмотром результатов тех раскопок. Между тем сами находки, выявленные в ходе тех исследований, противоречат заявленным в совместных итоговых публикациях выводам.

Ход раскопок и описание материалов подробно фиксировались в полевой документации. Эти данные легли в основу Полевого отчета (сдан в архив ИА НАНУ), который сегодня является важным первоисточником для выяснения существенных деталей [9].

Во-первых, визуальное восприятие кладки как сегмента именно округлого сооружения (башни) ошибочно. Вероятный изгиб кладки (очень несущественный) возник по краям при оползании в обрыв перекрывающей ее осыпи. Во-вторых, кладка не была сцеплена раствором, выложена насухо из плохо подогнанных небольших камней известняка. Следы известкового раствора присутствовали лишь на отдельных камнях, что говорит о вторичном использовании блоков. Похоже на кладку незначительного строения, времянки (на примере Аккермана) [11, с. 28]. В-третьих, пороговый камень, зафиксированный в кладке (с квадратным углублением в центре: рис. 1, а), указывает на уровень дневной поверхности времен бытования строения. Он расположен всего на 15 см выше основания кладки, которая лишена фундамента (просто выложена на грунт), достигает в ширину одного ряда камней (35 см), а в высоту сохранилась на 40 см (рис. 1, а).

Такие конструктивные характеристики не соответствуют сооружению фортификационного характера, да еще рассчитанного на размещение крепостной артиллерии (см. аксонометрический

чертеж Фрейгана): при слабой толщине стены выстрелы из пушек были способны повредить ее силой отдачи.

Своеобразным дополнением к указанной версии локализации Хаджибейского замка послужила находка в том же раскопе у Воронцовского дворца, в 15 м к Ю-В от субструкции XVIII в., ямы с обломками «погребенных» еврейских надгробий (рис. 1, в; 3).

Стратиграфические и ситуативные наблюдения, произведенные в ходе раскопок, легли в основу Полевого отчета вместе с фотографиями раскопа и находок [9]. К сожалению, многие важные детали из отчета впоследствии были упущены самими же авторами, из-за чего находка надгробий получила неверную интерпретацию [6, с. 352–365; 8, с. 167–174].

Указанная яма (№ 2), размером 85×60 см, была впущена в материк на глубину 20 см. На уровне вреза в материк перекрыта прогнившими листами жести с остатками зеленой краски (рис. 1, б). На дно ямы были уложены пять мраморных обломков подоконников и ступеней толщиной от 20 до 40 мм. Заполнение ямы составлял мраморный щебень и небольшие фрагменты мраморных надгробных плит с надписями на иврите погребального характера. Один фрагмент граненой по торцу плиты содержал надпись на русском языке с остатками позолоты: «Исаак» (рис. 3). На некоторых плитах сохранились следы цементного раствора.

Сверху яму перекрывал котлован (на дне которого она и была вырыта прежде, чем тот был заполнен строительным мусором). В придонной части заполнение котлована представлено тем же мраморным щебнем, что и в яме № 2. На этом уровне обнаружены три небольших обломка разных мраморных плит с фрагментами русских надписей, а также крупные обломки двух надгробных плит с трехстрочной надписью на иврите («здесь похоронена скромная женщина, имеющая великие древние корни») и с символом дома Ааронитов (рис. 3). Обе плиты по краям содержали остатки цементного раствора — признак крепления в погребальной стене, и грубые следы последующего демонтажа. Применение русского языка в эпитафиях, использование мрамора, а также цементного раствора для крепления указывают на современное происхождение плит (конец XIX — начало XX в.).

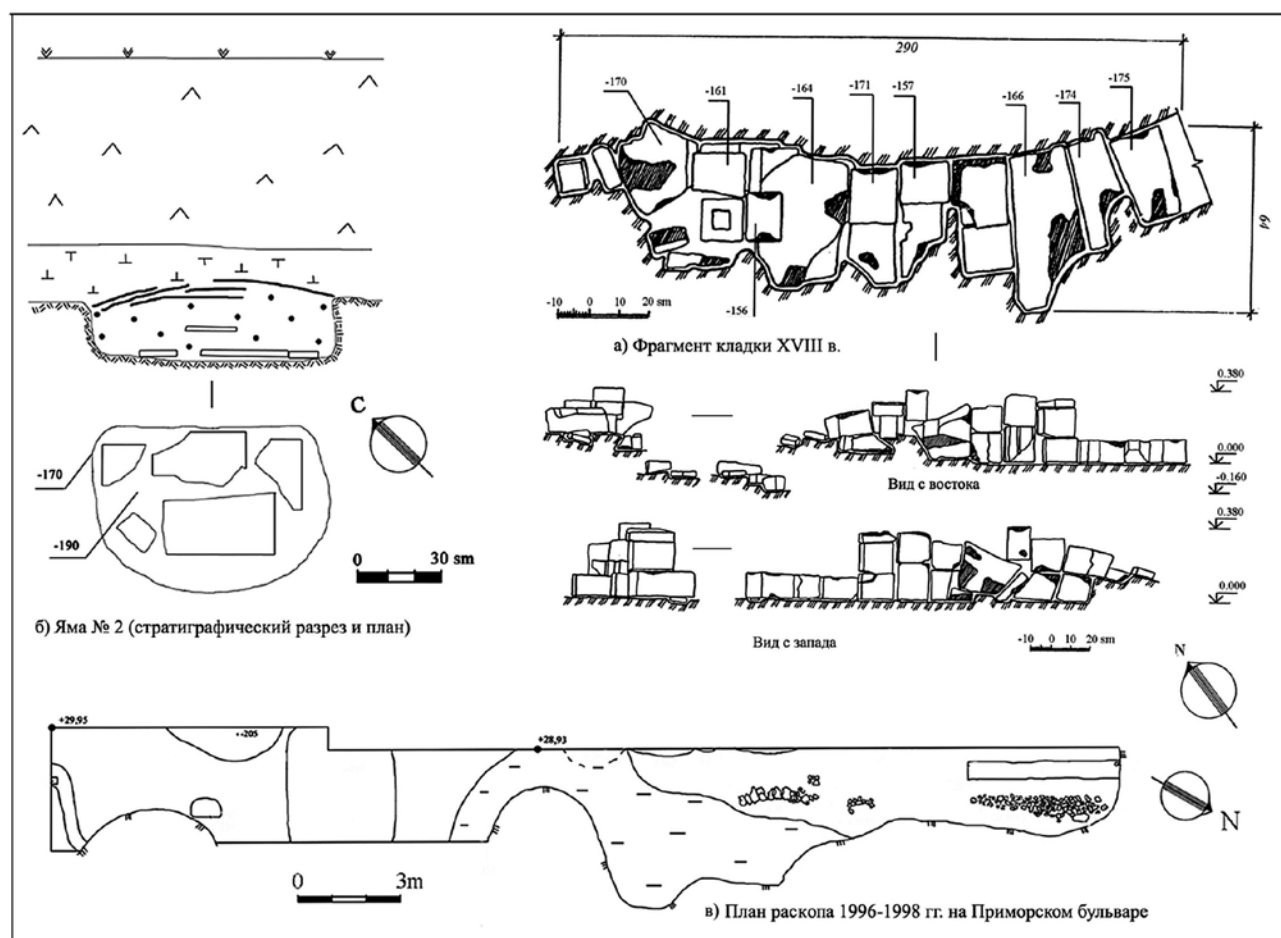

Рис. 1. План археологического раскопа на Приморском бульваре (кладка XVIII в., яма № 2)

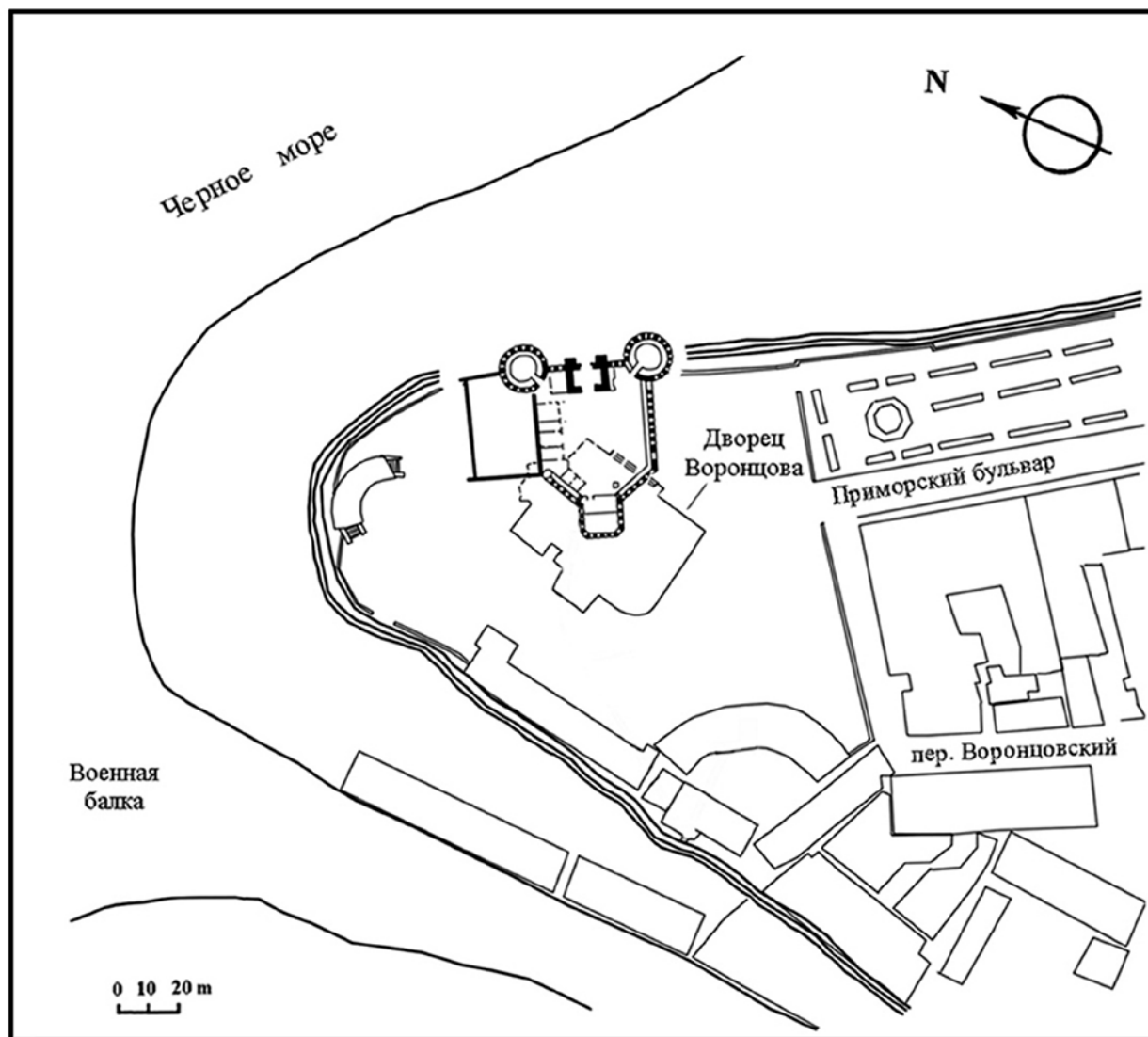

Рис. 2. Реконструкция локализации Хаджибейского замка по: [10; 13, рис. 5]

Поэтому погребальные памятники из раскопок на Приморском бульваре никак не связаны ни с «евреям-запорожцам», ни с турецким Хаджибеем, ни со «стенами замка, под которыми были захоронены» [6, с. 352–365; 8, с. 167–174].

На причины появления надгробных плит в столь странном археологическом контексте, в пределах огражденной территории Воронцовского дворца, указывают сопутствующие находки из перекрывавшего котлована. В его заполнении обнаружена монета 1946 г., фрагменты лепнины соседнего дворца, архитектурные детали, балясины, артиллерийский снаряд без детонатора, несколько советских зенитных гильз 1940–1941 гг., колючая проволока, винтовочные гильзы 1917–1938 г., донышки бутылок со штампом 1941 г. [9, с. 9].

По всей видимости, их появление на склонах связано с послевоенным ремонтом, произведенным в Воронцовском дворце или ближайших зданиях. Мраморные плиты могли быть исполь-

зованы до войны в качестве облицовочного, декоративного материала (примеров тому в истории Одессы множество). Единственным разрушенным до войны (1936 г.) являлось Первое еврейское кладбище (территория сегодняшнего Преображенского парка). Судя по фотографиям В. И. Смирнова, еврейский участок уже в 1928–1934 гг. находился в запустении, мраморные плиты мацев разбиты или выломаны вандалами [18, с. 168–173].

Таким образом, озвученная по результатам археологических раскопок 1996–1998 гг. версия локализации замка на месте нынешнего дворца Воронцова не выдерживает критики.

Иную версию локализации Хаджибейского замка в мае 2015 г. выдвинул И. В. Сапожников. По его мнению, сооружение «следует перенести почти вплоты к зданию современного Одесского городского совета». Автор опирается в своих выводах на сообщение А. Ж. Лафитта-Клаве, ко-

торый посетил Хаджибей на военном корабле в 1784 г. [16, с. 127].

В описании берегов Хаджибейской бухты (вероятно, сделанного с борта корабля) француз допускает, что «маяк расположен в 600–700 туазах от замка», которые И. В. Сапожников перевел в 1200–1400 м (вместо положенных 1169–1364 м). По умолчанию определив место размещения маяка в районе современного памятника Неизвестному матросу, с опорой на некий «План Гаджибейского залива Ф. П. Деволана, датированный 1791 г.» [16, с. 127], исследователь устанавливает локализацию замка возле Думы, высчитав указанное расстояние.

Но такой документ, как «План Гаджибейского залива» Ф. П. Деволана, неизвестен. В издании, на которое ссылается исследователь [3, с. 73–170], на самом деле опубликован «Чертеж топографический и водоописательный заливу Гаджибейскому при Черном море...» [15] (рис. 4).

Вывод И. В. Сапожникова о локализации старого маяка в районе памятника Неизвестному

матросу [16, с. 127] (какой площадью этот район ограничивается?) выглядит обоснованным. Но приблизительными являются использованные им расстояния между «замком и маяком» (а не наоборот), приведенные Ж. Лафитом-Клаве. Применяв точные методы измерений, французский инженер не дал бы разлет в оценке расстояния в 100 туазов. Кстати, Ф. П. Деволан в текстовой части «Отчета», сопровождающей упомянутый «Чертеж», уверенно размещает маяк «на западной оконечности бухты в 1,5 верстах от развалин» замка, т.е. в 1590 м, что на порядок больше тех измерений, которые дал Ж. Лафитт-Клаве [3, с. 134].

Но на самом деле расстояние от памятника Неизвестному матросу до здания Думы по прямой составляет 1511 м, а не 1200 м. Отрезок в 1200 м приходится на точку пересечения ул. Юрия Олеши и Карантинного спуска, т.е. на правый, противоположный от Думы берег Карантинной балки (на 365 м юго-восточнее объявленного И. В. Сапожниковым места ло-

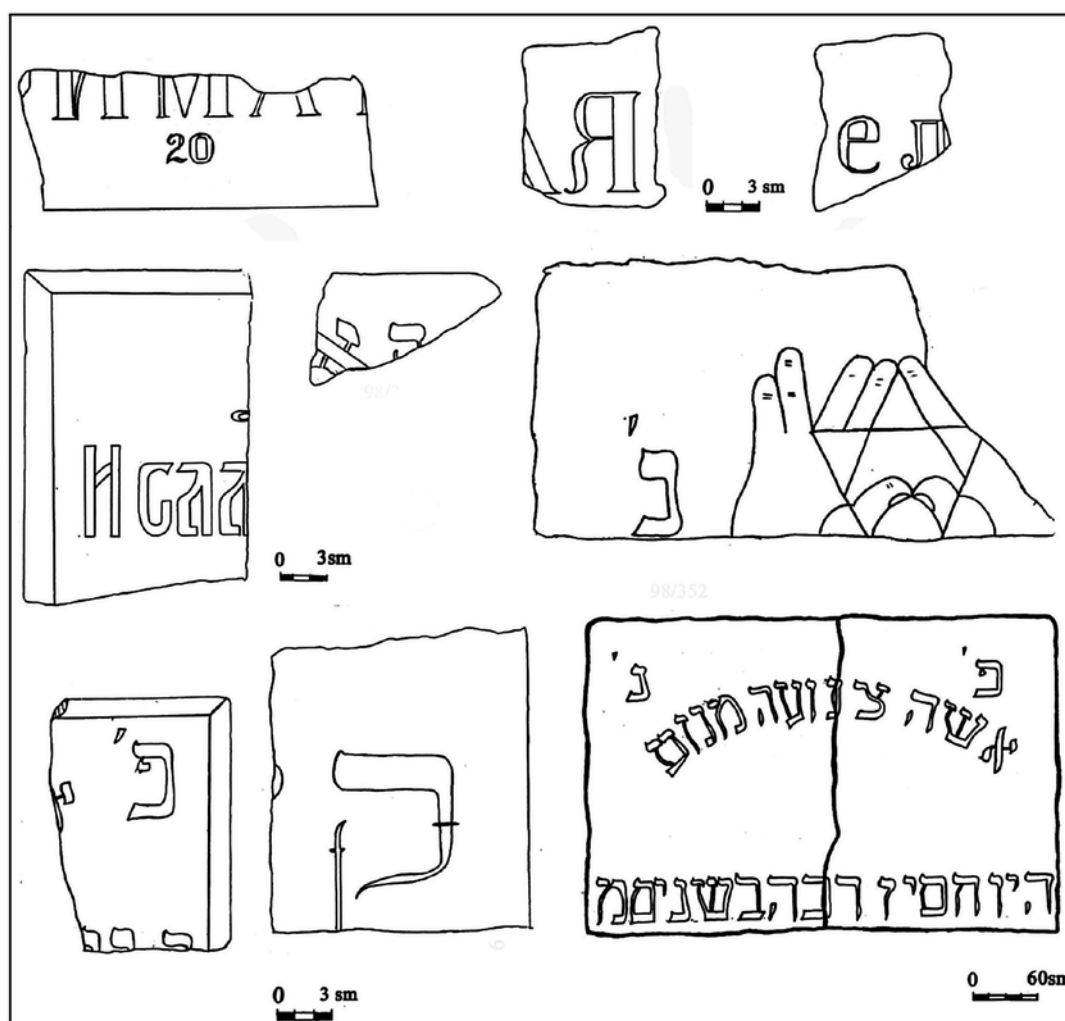

Рис. 3. Фрагменты еврейских надгробий из раскопок 1998 г. на Приморском бульваре в Одессе

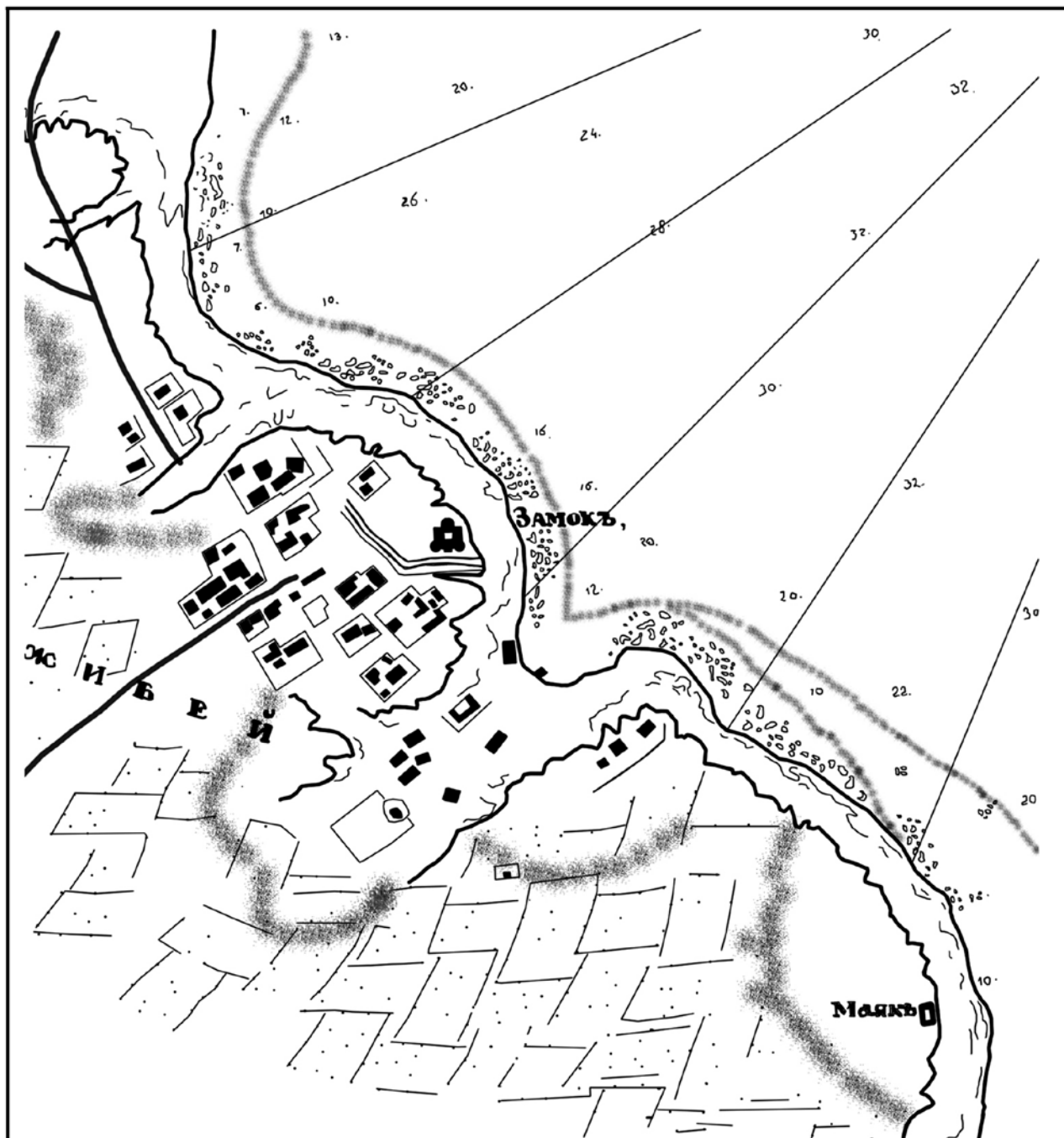

Рис. 4. Фрагмент карты Ф. П. Деволана 1792 г. [15] (прорисовка — А. В. Красножона).
Масштаб многократно увеличен

кализации замка), что к тому же противоречит и картографическим источникам. Расстояние же в 1364 м и подавно соотносится с низиной нынешней Таможенной площади, в устье Карантинной балки, где размещать укрепление не стал бы ни один фортификатор.

Существенно приблизиться к решению проблемы локализации Хаджибейского замка позволяют два других хорошо известных источника. Речь идет о «Плане проектов устройства порта в Хаджибее» 1793 г. авторства Ф. П. Деволана, копия которого хранится в Одесском

историко-краеведческом музее [14], а также о рапорте И. Дерибаса генералу И. Гудовичу, составленном по итогам штурма Хаджибея 14 сентября 1789 г. [5, с. 206–209].

На плане Деволана 1793 г. показана часть кварталов Греческого форштадта русского «Аджибея» (будущей Одессы) с квартальной разбивкой и портовыми молами (рис. 5). Изображение замка на нем соответствует чертежам Ж. Лафитта-Клаве и Фрейгана. Его руины, согласно экспликации, еще сохранялись в момент подготовки плана (в 1789 г. замок был выведен из

строю путем подрыва двух мин, а не стерт с лица земли, как предполагалось). С западной и юго-западной стороны, укрепление окружают вал и ров, схожие по конфигурации с бастионным фронтом крепости Хаджибей на плане И. Исленьева 1766 г. [1, с. 130–136].

Ф. П. Деволан увязал руины замка с планом задуманной русской земляной Малой крепости, которая была выстроена в конце XVIII в. В свою очередь, привязка Малой крепости к современному плану Одессы позволяет локализовать на

местности и Хаджибейский замок. Как известно [17, с. 25; 20, с. 26], в 1794 г., 1803 г. Малая земляная крепость занимала всю северо-западную часть нынешнего Приморского бульвара и примыкающую с юго-запада территорию вплоть до Воронцовского переулка.

Но наиболее достоверным и непротиворечивым, на мой взгляд, источником в деле локализации замка Хаджибей является рапорт И. Дерибаса на имя генерала И. Гудовича (сентябрь 1789 г.), в котором детально описан его штурм.

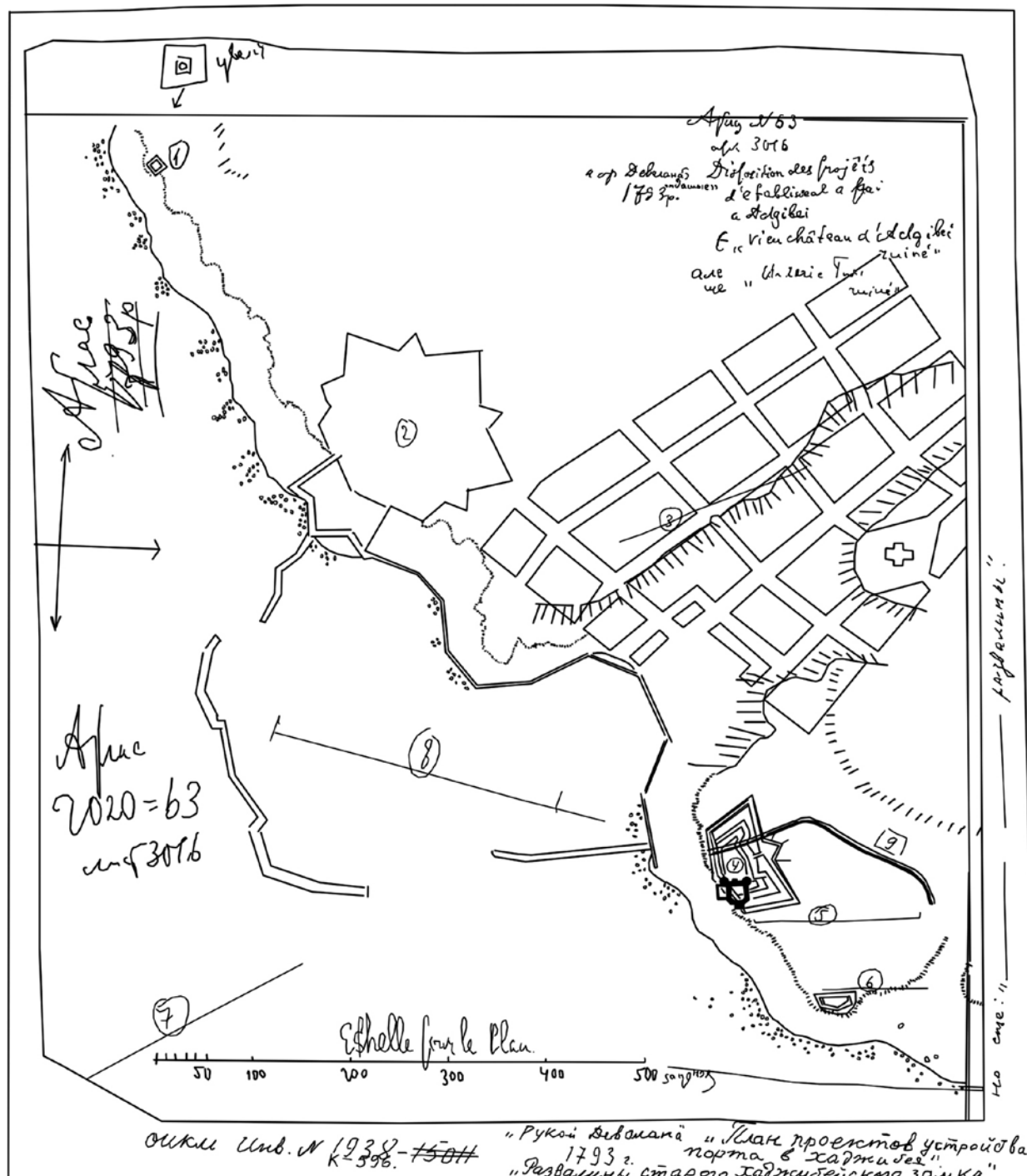

Рис. 5. Фрагмент плана Хаджибей Ф. П. Деволана 1793 г. в копии [14] (прорисовка — А. В. Красножона)

К этому источнику (правда, в пересказе Г. А. Потемкина) в попытках локализации замка уже обращались исследователи: «единственным серьезным основанием для того, чтобы сдвинуть крепость на сто саженей от Военного спуска остается выдержка из рапорта Г. А. Потемкина» о форсировании полковником А. Хвостовым нынешней Военной балки [8, с. 156]. «Но эти сведения, заимствованные из рапорта Дерибаса, не столь вразумительны — ведь нет указаний, где именно был перейден Военный овраг», полагает А. О. Добролюбский [7, с. 76–80]. Поэтому, в виду «отсутствия вразумительных указаний у Дерибаса», исследователь вычисляет место перехода колонны А. Хвостова, отсчитав 100 саженей (213 м) в обратном порядке — от того места, где археологической экспедицией уже был обнаружен сегмент предполагаемого замка. Поскольку от этой находки до устья балки всего 70 м, было решено, что А. Хвостов форсировал ее в верховьях, в районе нынешнего Сабанеевского моста [8, с. 156], вероятно, не правильно поняв А. Скальковского [17, с. 14].

На самом деле «указания» источника более чем вразумительны. При внимательном прочтении рапорта Дерибаса, как непосредственного участника штурма, локализация замка становится очевидной.

Итак, в ночь с 11 на 12 сентября три конных и три пеших полка (минимум 3 тыс. чел.) с 6 пушками перешли узкий перешеек между морем и «обеими Куяльниками». В ночь с 12 на 13 сентября на исходную позицию для марш-броска перешли (на правый берег нынешнего Хаджибейского лимана) два батальона пехоты, осадной артиллерии 4 орудия и 6 полевых пушек.

Для скрытности было выбрано темное время суток, при передвижении соблюдалась «тишина и порядок». Длина перехода по пересыпи составила 8 верст (8,5 км), что соответствует расстоянию от балки в пос. Большевик до нынешней Усатовской балки.

«По собрании всего корпуса в Кривой балке от Аджибея в 7 верстах, сделано от меня следующее распоряжение», — пишет Дерибас. 7 верст равны 7,5 км. По прямой, от устья Усатовской балки до Приморского бульвара, вдоль коренного берега — 7,7 км. Упомянутая в рапорте Кривая балка не имеет никакого отношения к нынешнему одноименному топониму на околицах Одессы, а может быть соотнесена только с современным оврагом в с. Усатово. Поскольку от современного района «Кривая балка» до плато Приморского бульвара всего 3,6 версты (а не 7, как указано в рапорте).

В Кривой балке Дерибас разделит отряд на две колонны — левого и правого флангов. Первая, под командованием полковника А. Хвостова, «должна была самым берегом к замку следовать и овладеть оным». Это важное замечание, поскольку наступление планировалось в полной темноте, движение по пересыпи вдоль правого берега Хаджибейского лимана давало отряду четкий маршрутный ориентир в виде берегового плато по правой руке. Оставалось лишь считать устья балок, современные: Кривая, Водяная и Военная. Пересечение третьего устья означало готовность к атаке.

«Овладеть оным» замком Дерибас велел «взойдя по лестницам». Правда, не указано куда — на стены или на склоны (скорее всего, применяли их для преодоления обеих преград; при штурме Измаила 1791 г. русские войска пользовались лестницами для преодоления крутых склонов рва и вала).

Перед штурмовой колонной А. Хвостова поставлены задачи первостепенные. Две другие колонны работали на его прикрытие, отвлекая внимание гарнизона и огонь на себя. С «левой стороны» (приморской, северо-восточной, если смотреть по ходу движения колонны) замок был наименее защищен. Судя по планам Фрейгана и Деволана, тыльную северо-западную сторону оборонного комплекса прикрывала единственная квадратная в плане башня (скорее всего, складская; на ее тыловое значение указывает обозначенный здесь Фрейганом вход в пороховой погреб). Северо-восточная часть замка малопригодна для ведения активной обороны, со стороны двора она застроена некими помещениями. Снаружи к этой стене был пристроен невысокий прямоугольный в плане сарай.

Далее, согласно замыслу Дерибаса, «на правом фланге два полка» с резервами «в одно и то же время с» А. Хвостовым должны были подойти к замку и отвлечь на себя внимание замковой артиллерии и гарнизона. Это означает, что замок был развернут башнями к юго-востоку, так как показано на плане и карте Ф. П. Деволана. Если А. Хвостов направился с северо-запада левым флангом вдоль берега, а отвлекающая колонна — правым, с напольной стороны, а замковая артиллерия должна отреагировать на последнюю, значит, главный фасад сооружения с артиллерийскими башнями был развернут к посаду.

Именно при такой схеме расположения укрепления А. Хвостову поручалось его штурмовать с самой уязвимой стороны (на плане Фрейгана пушечные бойницы обозначены только на круг-

лых юго-восточных башнях). Но и самой труднодоступной с природной точки зрения — высота склона в устье Военной балки превышает 30 м.

Вторая часть отряда, под командованием С. Воейкова, должна была занять форштадт, который, согласно плану И. Исленьева и карте 1792 г. Ф. П. Деволана, располагался к юго-востоку от замка, на расстоянии 500 м (рис. 6). С. Воейков должен был препятствовать как вероятному десанту с моря (а таковой возможен лишь в устье Карантинной балки, ближайшей к форштадту), так и процессу эвакуации из замка гарнизона. Это дополнительное подтверждение того, что замок действительно был развернут фасадом с воротной башней к юго-востоку.

Боевая задача, поставленная перед С. Воейковым, означает, что И. Дерибас предвидел возможный отход крепостного гарнизона именно в юго-восточном направлении. Это значит, что отступление турок из крепости мог вызвать лишь А. Хвостов своей атакой на противоположной стороне — северо-западной, выступив

от устья Военной балки, а вовсе не с юго-запада (от нынешнего моста Сабанеева).

«В сем порядке в 7-м часу вечера выступили и пришли к Балке, от замка в 2-х верстах отстоящей» — переходит И. Дерибас к главному. То есть выступление на позиции из Кривой балки (Усатово) состоялось в 19 часов 13 сентября. Балка, к которой пришли — нынешняя Водяная. Ее устье расположено точно на указанном расстоянии (2,2 км) от нынешней северо-западной части Приморского бульвара. Кстати, если бы замок располагался в районе нынешней Думы (по И. В. Сапожникову), то Дерибасу, как человеку аккуратному в обозначении расстояний, следовало бы прибавить еще целых полверсты в своем рапорте.

К полуночи ветер усилился, и, возможно, по этой причине флотилия Войновича, вызванная для блокировки турецкого флота, не явилась. Хотя И. Дерибас, согласно условию, установил в трех местах по берегу сигнальные огни. Где именно, не ясно.

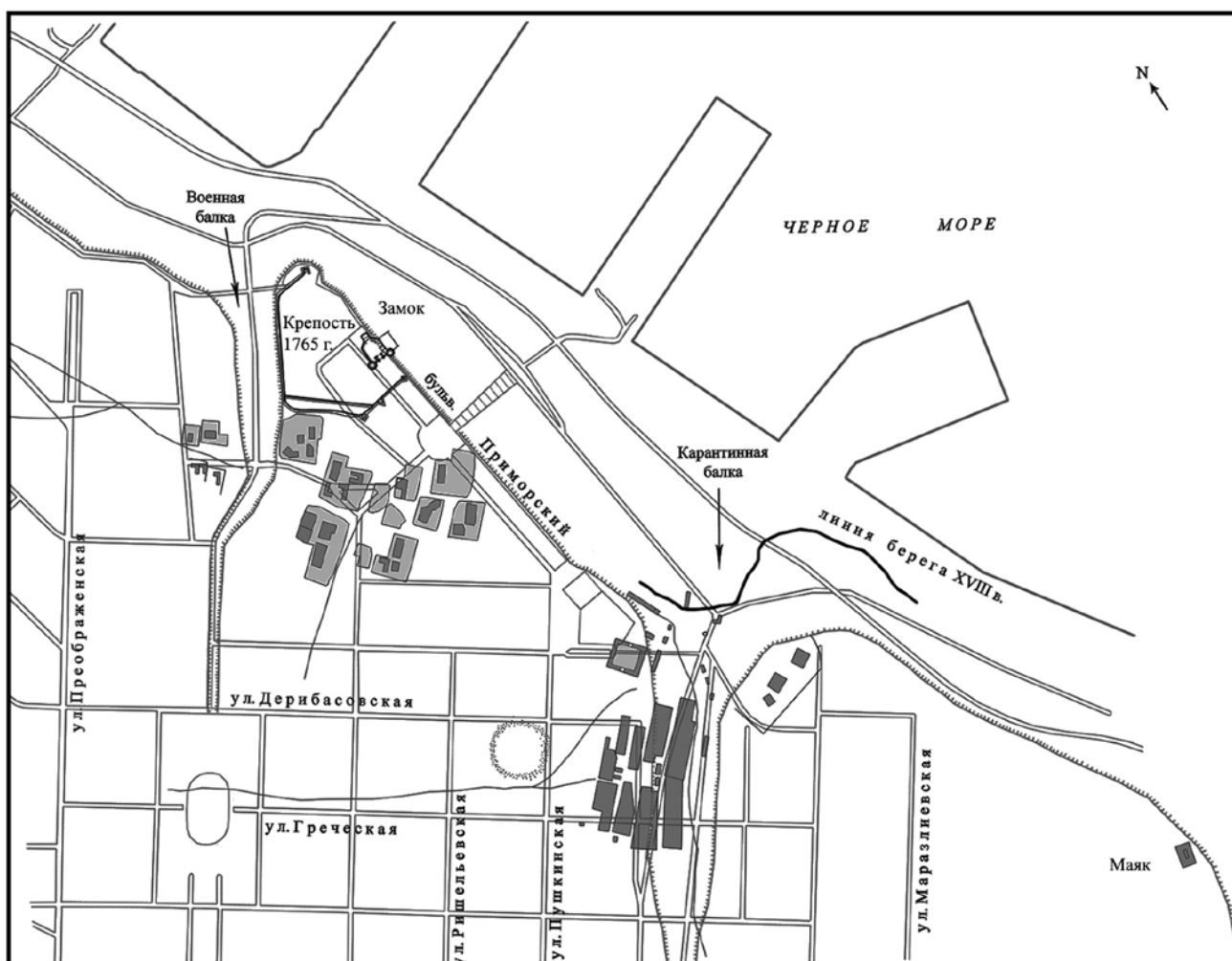

Рис. 6. Локализация строений города Хаджибей на плане современной Одессы (реконструкция по планам Ф. Деволана 1792, 1793 гг. и плану И. Исленьева 1766 г.)

В 4 утра, так и не дождавшись флота, опасаясь демаскировки в связи с близким рассветом, передовой отряд выступил на штурм из устья Водяной балки. И. Дерибас особо оговаривает маршрут движения штурмовой колонны — вдоль берегового обрыва, без отклонений к напольной стороне: «Полковник А. Хвостов, имевший во все время по левой стороне флот и долженствующий переходить овраг под картечными выстрелами, в 5 часов был уже в 100 сажнях от стены».

Похоже, А. Хвостова заметили с кораблей, поскольку в 5 часов утра уже начинало светать, и открыли по нему огонь при форсировании устья Военной балки («оврага»). Тут же «неприятелем открыты были» и части С. Воейкова, по которым начали стрелять пушки из замка. «Не ожидая уже правого своего фланга [подчиненные А. Хвостова] постепенно пошли» на штурм. А. Хвостов сам «первую лестницу поставил, прочие лестницы были поставлены также весьма скоро и, несмотря на сильный пушечный и ружейный огонь крепости и отверстия в стене, а потом пушечную пальбу с судов неприятельских, четверти часа левая сторона стены занята была, а вскоре потом овладели воротами и всем замком».

Из рапорта явствует, что колонна прошла устье Военной балки («овраг»), поскольку двигалась вдоль берега (на виду турецкого флота). Значит, атака развивалась в южном направлении, на тыльную квадратную башню замка и, возможно, береговую северо-восточную стену. В этом случае атакующие до последнего момента были скрыты от наблюдателей с крепости, пока не преодолели довольно крутой склон, используя лестницы. Поэтому И. Дерибас пишет, что казаки А. Хвостова пошли «постепенно» на штурм, а не побежали — передвигаться приходилось вверх по склону.

Это важный отрывок в рапорте дает понять, что замок располагался где-то на плато Приморского бульвара, в непосредственной близости от устья Военной балки. Но от какой точки следует отсчитывать эти самые 100 сажень?

Судя по представленной последовательности действий колонны, А. Хвостов сперва пересек устье Военной балки («оврага»), попав под картечный огонь флота, и лишь затем оказался в точке удаления от стены в 100 сажень (213 м). Кстати, пересек балку он именно в устье, а не в верховьях, поскольку картечный огонь флота возможен лишь по целям в нижней, прибрежной части балки. Если бы А. Хвостов переходил ее в верховье, то не было бы смысла: а) опасаться

флота; б) изначально направлять колонну на штурм вдоль берега, чтобы потом уводить ее по тальвегу Военной балки наверх, в пологое место, лишая себя преимущества внезапной атаки и демаскируя.

Поэтому расстояние 213 м можно отсчитать по двум вариантам — либо от подошвы склона юго-восточного берега устья Военной балки, либо от его вершины. В первом случае локализация замка приходится на участок напротив домов № 1–2, во втором — домов № 2–3 по Приморскому бульвару (с разницей в 20 м). Археологические исследования в указанном квадрате позволили бы окончательно подтвердить (или опровергнуть) высказанную версию о локализации Хаджибейского замка.

В 2008 г. в рамках реконструкции Приморского бульвара строителями была заложена сплошная траншея (под водопроводную трубу) от памятника Пушкину до Воронцовского дворца, которая в северо-западной части бульвара пересекала предполагаемое место расположения замка [2, с. 103–105]. На отрезке между памятниками Ришелье и дворцом траншея была тщательно мной осмотрена, никаких строительных остатков или следов культурного слоя османского или средневекового периодов в ней не обнаружено. Никаких подобных находок здесь не зафиксировано и археологами [2, с. 103–104]. Глубина траншеи достигала всего 0,6 м. Она была заложена в насыпи нивелированных валов Малой одесской крепости. Если остатки замка и находятся напротив домов № 1–2 по Приморскому бульвару, то они должны быть скрыты под толщей грунта на глубине 2,5–3 м.

Данный вариант локализации замка согласуется с версией К. Н. Смольянинова, опиравшегося на сообщения старожила А. Феогности [17, с. 342], и со всем набором имеющихся источников, включая «План турецкого города Гаджибея» 1766 г. И. Исленьева (рис. 6), на котором укрепления размещены в северо-западной части плато нынешнего Приморского бульвара [1, с. 132]. Этот вариант также соотносится и с указанным Ф. П. Деволаном расстоянием между замком и маяком (1,5 версты = 1590 м). При указанном варианте расположения укрепления маяк должен был находиться на участке склонов парка им. Т. Г. Шевченко напротив «Красных пакгаузов», в 430 м к С-З от памятника Неизвестному матросу (рис. 6), что совпадает с данными «Карты области Озу» Ф. П. Деволана.

Источники и литература

1. Боровой С. Я. Хаджибей в 60-е гг. XVIII ст. // Записки Одесского археологического общества. — 1967. — № 2. — С. 130–136.
2. Буйских А. В., Редина Е. Ф. Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблемы хронологи // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — 2015. — Вып. 13. — С. 100–130.
3. Деволан Ф. П. Отчет относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковская Степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию // Наследие Ф. П. Деволана. — Одесса, 2002. — С. 73–170.
4. Дерибас А. Старая Одесса (исторические очерки и воспоминания). — Одесса, 1990. — 378 с.
5. Дерибас И. Рапорт генерал-майора И. Дерибаса генералу И. Гудовичу // История Хаджибея (Одеси) 1415–1795 гг. в документах / авт. Т. Г. Гончарук. — Одесса, 2000. — С. 206–209.
6. Добролюбский А. О. Евреи-запорожцы под стенами Хаджибея // Stratum-plus. — 2000. — № 6. — С. 362–365.
7. Добролюбский А. О. Причудливая судьба остатков Хаджибея // Restoration. Reconstruction. Urboecology. Щорічник ПУВ НК ICOMOS. RUR-98. — 1998. — С. 76–80.
8. Добролюбский А. О., Губарь О. И., Красножон А. В. Борисфен — Хаджибей — Одесса. — Одесса; Кишинев, 2002. — 272 с.
9. Добролюбский А. О., Красножон А. В. Отчет о проведении научных исследований археологического наследия: раскопки поселения «Приморский бульвар» в Одессе в 1996–1998 годах. — Одесса: ПДПУ. — № ОК НДР 0201U004059, № держ. реестр.0100U002340. — 1999–2006. — 114 с.
10. Добролюбский А. О., Красножон А. В. Турецкий поселок и замок Хаджибей на месте Одессы // Stratum plus. — 2000. — № 5. — С. 459–476.
11. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). — К.: Наукова думка, 1986. — 126 с.
12. Красножон А. В. Крепость Белгород (Аккерман) в исторических изображениях. — Кишинев: Stratum plus, 2016. — 475 с.
13. Красножон А. В. Крепость Хаджибея: иконография, археология, политика // Lietuvos pilys. — 2010. — № 6. — Р. 16–27.
14. Одесский историко-краеведческий музей. — Ф. № К-596.
15. Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 20150, Л.1–2.
16. Сапожников І. В. Андре-Жозеф де Лафитт-Клаве в Хаджибеї у 1784 р. // Кочубіїв–Хаджибей–Одеса: матеріали І всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 600-річчю міста. — Одесса, 2015. — С. 123–128.
17. Скальковский А. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793–1723). — Одесса, 1837. — 296 с.
18. Смирнов В. И. Одесские некрополи // Первые кладбища Одессы. — Одесса, 2012. — С. 7–183.
19. Смольянинов К. Н. История Одессы // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1853. — № 3. — С. 338–432.
20. Castelnau M. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. — Paris, 1827. — Т. 3, edit II. — 348 p.

Concerning the problem of location of the Khadzhibey castle

A. Krasnozhan

The location of the Khadzhibey castle is still uncertain. According to versions of the researchers of 19th–21st centuries, the castle “used to travel” along the modern Primorsky Boulevard, from the Vorontsov Palace to the City Council building. The analysis of the two unexplored cartographic sources, created by Devolan together with the Deribas’s report about the assault of the Khadzhibey castle, helps to locate the castle in front of the modern buildings № 1–2 on the Primorsky Boulevard.

Keywords: Khadzhibey castle J. Deribas, F. Devolan.